

Дарья Луговская

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва
lugovskaya.darya@yandex.ru

Daria Lugovskaia

National Research University
Higher School of Economics, Moscow
lugovskaya.darya@yandex.ru

СТАТЬИ В. Ф. ХОДАСЕВИЧА 1908–1914 ГОДОВ:
КРИТИКА ПРОГРЕССА, «МЕЩАНСТВА»
И ПОИСК НОВОЙ ЭСТЕТИКИ

V. F. KHODASEVICH'S ARTICLES WRITTEN IN 1908–1914:
CRITICISM OF PROGRESS, "MESHCHANSTVO"
AND THE SEARCH FOR A NEW AESTHETIC VIEWS

Статья посвящена анализу очерков В. Ф. Ходасевича, опубликованных в 1908–1914 годах. После выхода своей первой поэтической книги, в период кризиса символизма, критик начинает сотрудничать с массовыми изданиями, создавая ряд статей о прогрессе (об освоении Северного полюса и о первых полетах) и о «мещанстве». В 1910–1912 годах пишутся несколько очерков на «социальные» темы. Исследование контекста появления статей Ходасевича, хронология работы над ними показывает, что в этих тематически разнообразных рецензиях он искал путь к новой литературной стратегии для преодоления кризиса символизма. В статьях этого периода формулируется ряд эстетических критериев, важнейших для всей последующей публицистики и поэзии Ходасевича.

Ключевые слова: Ходасевич, кризис символизма, критика прогресса, «мещанство», демократизация критики.

This article explores V. F. Khodasevich's critical essays written in 1908–1914. After the publication of his first poetic book, during the period of crisis of the symbolism, critic began to work with newspapers. He created several articles about progress (about the development of the North Pole and the first flights) and about the "meshchanstvo" ("philistinism"). In 1910–1912 he wrote essays about social problems. The research of the literary context in which Khodasevich created his articles, shows that essays on different themes were the material in which he tried to find new strategy to overcome the crisis of symbolism. During this period he formulated new aesthetic program, which will affect all his critical essays and poetry.

Key words: Khodasevich, crisis of symbolism, criticism of progress, "meshchanstvo", democratization of criticism.

В начале 1908 года вышла первая поэтическая книга Ходасевича, *Молодость*. Практически одновременно критик прекратил работу в символистских изданиях, с которыми сотрудничал в 1905–1907 годах, и начал публиковать свои очерки на страницах московских газет. Исследователи отмечали, что в биографии Ходасевича рубеж 1900–1910-х годов — сложный период, связанный с безденежьем, увлечением азартными играми в залах Литературно-художественном кружка, и большинство публикаций того времени можно рассматривать как «литературную поденщину» (Шубинский 2012: 151–173; Богомолов 1989: 13–14). Однако представляется, что статьи 1908–1914 годов были не только средством для литературного заработка: очевидно, что эстетика критики Ходасевича второй половины 1910-х годов была подготовлена именно текстами, писавшимися в течение этого периода. То же можно сказать и о *Счастливым домике* (1914)¹: «домашний» сюжет, стилизация пушкинской эпохи в этой книге были, по-видимому, итогом творческих размышлений рубежа десятилетий.

Очерки Ходасевича этого времени — чрезвычайно разноплановые тексты, отличающиеся от более ранних и поздних статей стилистически, предполагающие иного адресата — массового читателя. За два года (17 января 1908 — май 1910) он создает лишь одну узколитературную статью — о сборнике П. Потемкина *Смешная любовь* (Ходасевич 2010: 57–58). Остальные тексты можно разделить на две группы: критика прогресса² — полетов на первых аэропланах и покорения Северного полюса («Сфинкс», «Накануне», «Тяжелее воздуха») и критика «мещанства», развенчание символистского быта («Девыцы в платьях» в *Руле* и «Притончик. На Кузнецком» в *Раннем утре*). Эти очерки оформляются в довольно стройную эстетическую систему, если посмотреть на них сквозь призму двух «узловых» текстов этого времени: доклада «Надсон» (1912) и статьи «Русская поэзия. Обзор» (1914).

Представляется, что эти группы текстов взаимосвязаны: критика прогресса перерастает в осуждение «мещанства» и — шире — декадентов. В работе над этими очерками автор искал литературный язык для критики эпигонов символизма, описания кризиса литературного направления — отсюда стилистическое разнообразие очерков — и выработывал эстетические критерии для оценки постсимволистской поэзии. Последующее обращение поэта к «простому» и «малому»³, подсвеченное

¹ О ней см. подробнее (Успенский 2014: 114–156).

² Здесь и далее мы будем употреблять применительно к этим очеркам общее понятие «о прогрессе», хотя Ходасевич в анализируемых текстах рассуждал о более широких вопросах. В позднейших текстах критик применительно ко всем техническим новинкам и их влиянию на цивилизацию употребляет общее определение «прогресс» (см. соответствующий очерк (Ходасевич 1997: 346–347)), мы вслед за ним будем придерживаться этой традиции.

пушкинской перспективой, в *Счастливом домике*³ возможно подготавливалось работой над этими очерками.

Прежде, чем анализировать рецензии Ходасевича, укажем на два явления, определяющих для эпохи рубежа десятилетий: демократизация критики и кризис символизма. В конце 1900-х годов многие литераторы, руководствуясь творческими и прагматическими соображениями, начали сотрудничать в массовых периодических изданиях. С ноября 1909 года В. Я. Брюсов заведовал литературным отделом журнала *Русская мысль* — отчасти, чтобы быть критиком, который «ведет за собой» более широкий круг читателей (Богомолов 1990: 20–21; Клинг 1984: 163). Блок, ранее скептически относившийся к публикациям в газетах⁴, в 1911–1912 годах искал сотрудничества с *Русским словом* (Валентинов 1969), а в 1909–1912 годах публиковался в газетах *Речь* и *Русская молва*. С появлением в *Аполлоне* статьи Брюсова «О “речи рабской” в защиту поэзии» (1910), констатировавшей упадок символизма, многие авторы, Мережковские, Сологуб, Белый, уходили в массовые издания (Богомолов 2020: 17). Публикации в них не только расширяли аудиторию, но и приносили больший доход⁵.

Сотрудничество Ходасевича с периодическими изданиями вполне соответствовало этой примете времени⁶: с 1908 до 1917 года он печатался в московских газетах по творческим причинам и ради литературного заработка⁷. Отдаляясь от поэтики очерков 1905–1907 годов, писавшихся под значительным влиянием критики Брюсова и символистов, Ходасевич ориентировался на массового читателя.

Уточним, что Ходасевич мог отчасти руководствоваться вкусами читателя и редакции, работая над текстами «для денег», как поступали

³ Говоря о поэтике сборника *Счастливый домик*, приведем известную фразу из письма Ходасевича Г. И. Чулкову от 16 апреля 1914 года: «Я всю книгу писал ради второго отдела, в котором решительно принял “простое” и “малое” — и ему поклонился» (Ходасевич 1997: 389).

⁴ См. очерк Блока *Искусство и газета* (Блок 1962: 473–479).

⁵ Московские и петербургские издатели, имевшие большой круг читателей, редко публиковали тексты символистов, мало востребованные у среднестатистической публики (Богомолов 2020: 5). Символистские же издания имели небольшой тираж — например, журнал *Весы* в 1907–1908 году достиг всего лишь трехсот экземпляров (Рейтблат 2009: 600–601). Оставаясь бесприбыльными (в отличие от *Знания* реалистов), они финансировались меценатами. См.: (Лавров 2003: 200), а также воспоминания самого Ходасевича: (Ходасевич 1997: 324–335).

⁶ *Перевал*, журнал, в котором критик публиковался в 1907 году, в 1908 был закрыт, *Весы* переживали упадок, предшествовавший закрытию издания. Но подчеркнем, что критик не искал сотрудничества с *Весами*, не пытался включиться в иные символистские издания — например, до 1915 года не искал сотрудничества с петербургской периодикой.

⁷ До 1914 года это сотрудничество носило эпизодический характер: очерки критика появлялись в *Руле*, *Раннем Утре*, *Утре России*. Чуть дольше Ходасевич печатался в *Голосе Москвы* (в 1912–1914 годах). С 1914 года он стал постоянным автором *Русских Ведомостей*, где статьи появлялись до 1918 года.

и некоторые современники, например, В. В. Гофман (Лавров 2003: 201). Эту гипотезу отчасти подтверждает появление трех очерков под псевдонимами, и Ходасевич мог вовсе не связывать с ними свою литературную репутацию⁸. Полностью придерживаться ее нам мешает два факта. Во-первых, признание самого критика о работе над очерком «Тяжелее воздуха» в позднейших мемуарах *Прогресс*: «Я написал небольшую статью... Однако в редакциях, которым я предлагал ее... приходили в священный ужас от моего отношения к прогрессу» (Ходасевич 1997: 347). Если верить этому свидетельству, то очерк не задумывался для продажи конкретному изданию, а отражал идеи, важные для автора в то время. Во-вторых, финал одного из знаковых текстов Ходасевича 1910-х годов, доклада «Надсон» (1912), заставляет посмотреть на очерки о прогрессе как на одну из первых попыток Ходасевича найти язык для критики декадентства. Он завершается размышлениями о «...веках торжествующего рационализма, веках дирижаблей и аэропланов...», когда настанет время культурного апокалипсиса, и ни гражданственная лирика, ни поэзия символистов не будут востребованы у читателя (Ходасевич 2010: 100). Этот позднейший текст демонстрирует семантическую связь между критикой прогресса и рефлексией об итогах символизма. Проанализируем публикации 1908–1910 годов, чтобы проследить, как тексты о покорении воздуха сменились критикой «мещанства» и текстами с пушкинской перспективой.

В январе 1908 года были опубликованы два очерка: «Критико-библиографический обзор. Стихи» и «Девыцы в платьях». В обзоре Ходасевич констатировал устаревание символизма⁹. В очерке «Девыцы в платьях»¹⁰ он проецировал символистское житнетворчество на быт современного обывателя: «То, что написано в последние годы, поверьте, не имеет никакого отношения к тому, что говорят “новые дамы”. По новой канве расшивают они свой извечный узор исторической пошлости» (Ходасевич 2010: 56). Начиная с этого текста, одной из магистральных тем очерков становится «мещанство» — массовое увлечение простых обывателей декадентством. По Ходасевичу этот кризис символизма начался уже в 1905 году, когда «новая школа» сформировалась и обозначилась ее изъяны (Ходасевич 2010: 244). Интересно, что эта рефлексия над итогами символизма появляется практически одновременно с первой

⁸ Сразу же подчеркнем, что своей фамилией критик подписал только очерки «Девыцы в платьях» и «Смешная любовь» П. Потемкина.

⁹ «...книга что-то дорогое кончает, отчеркивает, и обстоятельная библиография в конце ее звучит, как некролог», — сказано о *Путих и перепутьях* Брюсова.

¹⁰ Очерки Ходасевича в *Руле* как правило соседствовали с политическими новостями, и подобное соположение чрезвычайно интересно. Например, рядом с очерками Тана и Амфитеатрова о внутренней политике были напечатаны «Девыцы в платьях». Такой контекст меняет масштаб частного высказывания о литературе, сближая очерк с социальными, политическими текстами.

книгой, *Молодостью*, созданной под влиянием «мэтра» — поэт, только что выпустивший подражательную символистскую книгу стихов, начал вслед за современниками искать новые эстетические ориентиры¹¹. Этими поисками можно объяснить тематическую и жанровую «пестроту» последующих текстов.

Имплицитно тема «мещанства» появляется и в очерках о прогрессе — они пишутся спустя год, в июне-сентябре 1909 года. Покорение Северного полюса, о котором Ходасевич писал в статье «Сфинкс» (1909), практически не вызвало отклика среди литераторов. С появлением и совершенствованием авиации, как несколько ранее — железной дороги, телеграфа, автомобиля, связан целый ряд текстов модернистов, поэтому позволим себе кратко обратиться к истории освоения этой темы в литературе рубежа 1900–1910-х годов¹².

В 1908 году в Петербурге начались полеты на бипланах. 25 апреля — 2 мая 1910 года состоялась Первая международная авианеделя. С ростом числа экспериментальных полетов стремительно увеличивалось число жертв авиации (Левинг 2004: 293–294). Например, перед толпой зрителей потерпел крушение аэроплан В. Ф. Смита. Блок, очевидец этого события, в том же году создал стихотворение «Авиатор»¹³ (несколько ранее им было написано «В неуверенном зыбком полете» (1910). Ряд стихотворений других авторов может быть достаточно длинным — назовем здесь «Кому-то» (1909), «На полетах» (1914) Брюсова, «Zipp'lin III» (1909) Гиппиус. Сам Ходасевич обратился к теме авиации только в 1914 году, в стихотворении «Авиатору»¹⁴, в конце же 1900-х годов он был далек от общего увлечения полетами, что и подтверждают статьи. Мы приводим столь подробную хронологию, чтобы показать, что в 1909 году, когда были написаны «Накануне» и «Тяжелее воздуха», авиация еще не была мифологизирована и переосмыслена в лирических текстах — они пишутся только с конца 1909 — начала 1910 годов¹⁵, несколько позже появляются

¹¹ См. подробнее о поиске нового языка, эстетических ориентиров Брюсовым и другими символистами: (Богомоллов 1990: 25–27; Минц 2004).

¹² Безусловно, одна из первых ассоциаций с этой темой — эстетика футуристов. См. подробнее: (Желтова 2007: 172–174). Здесь мы не касаемся радикального изменения отношения литераторов к авиации после 1914 года.

¹³ Тема авиации появится у Блока и в поэме *Возмездие*, в предисловии к которой он писал: «В этом именно году, наконец, была в особенной моде у нас авиация; все мы помним ряд красивых воздушных петель, полетов вниз головой, — падений и смертей талантливых и бездарных авиаторов» (Блок 1960: 296–297).

¹⁴ Лирические сюжеты стихотворений «Авиатору» Ходасевича и *В неуверенном, зыбком полете* Блока строятся по одной концепции: аварии в небе происходит из-за душевной драмы, сомнений, которые переживает летчик — см. подробнее (Левинг 2004: 315–316). Безусловно, тема прогресса, появления новых технических средств занимает важное место и в поэзии Ходасевича 1920-х годов.

¹⁵ Исключение составляет стихотворение Гиппиус, но она наблюдала авиашоу за границей, где подобные представления уже были рядовым явлением: 25 июля 1909 года уже состоялся первый перелет Луи Блерио через Ла-Манш.

ассоциации с подвигом покорения неба, гибелью летчика. По-видимому, в конце 1900-х годов для Ходасевича авиация, технический прогресс, могли быть связаны с карнавализованной атмосферой, денежными призами и вниманием публики. Поэтому он ставил прогресс в один ряд с «мещанством», увлечением «эстетствующей молодежи» «болезненным искусством».

В очерке «Накануне» (1909), появившемся в газете *Раннее Утро*, Ходасевич рассуждает о последствиях развития авиации и несвоевременной милитаризации: «“Воздушный корабль” во власти современного человечества — не бритва ли в руках сумасшедшего?» (Ходасевич 2010: 59). Эта линия размышлений — несовершенство современного человека и преждевременность прогресса — несколько трансформируется в двух следующих очерках. Они составили рубрику «Маленький фельетон. Последние письма романтика» и были напечатаны под псевдонимом «Гарольд»¹⁶. «Сфинкс» — текст об открытии «прекрасной тайны» Северного полюса (Ходасевич 2010: 59), опубликованный рядом с репортажем «К открытию Северного полюса» (Там же: 545). «Тяжелее воздуха» — очерк о «необыкновенно утонченных днях...когда все мы стали немного авиаторами» (Там же: 61). Адресат этих текстов — «Сударыня», некая современная дама. Никаких конкретных черт автор не называет, но она представляется чрезвычайно похожей на одну из типичных современниц автора из очерка «Девы в платьях» — современную «утопшающуюся» «“декадентскую” барышню», «новую даму» (Там же: 55–56). О правомерности этого сближения говорят многократные повторы «утопшаемся», «утопченные» и т. д. в «Тяжелее воздуха» и «утопшаюсь» в первых строках «Девы в платьях»). Абстрактный автор этих очерков — «последний романтик», Гарольд, ставящий под вопрос смысл технического, внешнего прогресса. Интересно, что эта коммуникативная ситуация — «Сударыня», человек современности, и традиционалист, «последний романтик» — оформлена отсылками к текстам Пушкина — к поэме *Руслан и Людмила* и стихотворению «Герой»: «Мы лишены, быть может, последнего “возвышающего обмана”. На что мы его променяли? На крохотную истину» (Там же: 60).

Две рецензии 1910 года, «Притончик. На Кузнецком» (1910) и «Мистическая карамель» (1912) (Ходасевич 2010: 62–64; 82–85) указывают на важный поворот в поэтике критики Ходасевича: переключение к статьям, где рассуждения о литературе переходят в социальную плоскость — к докладу о Надсоне и критическим очеркам 1917 года.

¹⁶ Можно предположить, что Ходасевич выбирает подчеркнуто литературные псевдонимы, чтобы маркировать коммуникативную дистанцию между газетным обозревателем и современной публикой, «Гарольдом» и «Сударыней». Эта дистанция создает нечто наподобие «остранения»: критик с некоторого временного и культурного расстояния смотрит на современность и видит ее не так, как обыватель.

В очерке «Притончик. На Кузнецком» (1910), подписанном псевдонимом «Кориолан»¹⁷, Ходасевич продолжает тему «Девец в платьях». Переводя рассуждения о декадентстве в социальную плоскость, он рассказывает о «притончике», в который превращается мещанская жизнь семейств «безукоризненно-модных, элегантных и обворожительных барышень» (Там же: 62). В этом тексте Ходасевич использует уже замеченный нами прием: противопоставляя современность и XIX век, он использует аллюзию на классическую традицию: «Притончик доволен и счастлив... В притоне — страданье. Сонечка Мармеладова вышла из него» (Там же: 63). «Притончик»¹⁸ метафорически изображает декадентство как социальное явление, по Ходасевичу опасное для обывателя, «мещанина».

Еще один текст, построенный на противопоставлении современности и литературной традиции, — «Мистическая карамель» (1912), рецензия на пьесу Ф. К. Сологуба *Заложники жизни*. Рассуждения о пьесе, полной «дешевого эстетизма и дешевой мистики» (Там же: 83) Ходасевич предваряет вступлением о полковом писаре и модистке — «мещанах», которые «умеют все бесконечно великое обратить в бесконечно малое... Ни Пушкин, ни Тютчев не помышляли о том, какое пошлое применение найдут самые, может быть, вдохновенные их строки» (Там же: 82).

Таким образом, система аналогий в очерках усложняется: техническому прогрессу и «мещанству» противопоставляется классическая традиция. Пока эти тексты печатаются под псевдонимами, пушкинская перспектива появляется имплицитно, но ее уже можно считать важным элементом эстетической системы Ходасевича¹⁹. Понимание внешних атрибутов прогресса как проявлений бездуховности, «мещанства» впоследствии станет важным мотивом в лирике и критике поэта. В частности, представляется, что в этом можно видеть одну из причин, по которым Ходасевич, высоко оценивший первую книгу Игоря Северянина несмотря на отрицательное отношение к футуристам в целом²⁰, в 1916 году решительно изменил свое отношение к поэту.

¹⁷ Прагматика использования этого псевдонима, на наш взгляд та же, что и подписи «Гарольд».

¹⁸ Несколько расширяя рамки текста, можно сказать, что и Литературно-художественный кружок в очерке «Девцы в платьях» — тот же «притончик».

¹⁹ Сопоставление творчества современных поэтов и пушкинской традиции появляется в очерках 1913 года. Например, Ходасевич пишет положительную рецензию на сборник *Orientalia* М. Шагинян: «пушкинские *Подражания Корану* — вот где г-жа Шагинян училась писать стихи» (Ходасевич 2010: 107).

²⁰ Прочитируем одно из высказываний Ходасевича о футуризме: «детище скуки, безверия и повального эстетизма» (Ходасевич 2010: 183), хотя тогда же, в начале 1914 года, он называл поэзию Бурлюка и Маяковского «неплохой» (Там же: 142–143). В рецензиях на сборники *Старая сказка* Н. Львовой и *Небесные верблюжата* Е. Гуро «содержательная», «настоящая» поэзия противопоставляются футуристической (Там же: 119, 183).

Можно предположить, что на высокую оценку эгофутуриста Ходасевичем во многом повлияло авторитетное мнение Брюсова: «мэтр» увидел в творчестве Северянина ресурс для обновления собственной поэтики (Лавров 2007: 190), посвятил творчеству поэта несколько объемных статей в *Русской мысли* (Брюсов 1990: 439–440; 495–507). Композиция, содержание рецензий Ходасевича в основных чертах копируют тексты Брюсова: выстраивая линию защиты лексического и синтаксического новаторства Северянина, оба критика подчеркивают, что его творчество открывает путь к преодолению кризиса символизма. В статье «Игорь Северянин и футуризм» (1913) Ходасевич имплицитно цитирует Брюсова — выражение «тридцатипятиэтажная культура», повторенное в нескольких очерках, взято из стихотворения «Конь блед» (1903), важнейшего текста об урбанизированной культуре. Подобное цитирование «мэтра», обращение к композиции его рецензий характерно для ранних очерков Ходасевича и, как видим, периодически появлялось до 1917 года.

В трех газетных публикациях²¹ Ходасевич объявил Северянина «подлинным талантом», возводя генеалогию стихотворений эгофутуриста к символистам, к поэзии XVIII–XIX веков (Ходасевич 2010: 159). В 1916 году в статье «Обманутые надежды» он констатировал разочарование в поэзии Северянина²², не преодолевшего «пошловатое верхоглядство фланера», ненужные изыски современности (Там же: 186–187)²³.

Подведем промежуточные итоги. Тексты о прогрессе и критике «мещанства» пишутся Ходасевичем до 1912 года — в последующих очерках эта тема по-прежнему играет важную роль, но появляется эпизодически. Критика технического прогресса оказывалась критикой «мещанства» и, шире, декадентства. Ходасевич приравнивал увлечение прогрессом к «мещанству» и болезненно измененному декадентскому быту — этот комплекс мотивов формируется в критических очерках рубежа 1900–1910-х годов и сохраняет актуальность для последующей критики Ходасевича. Одновременно растет социальный пафос, апофеоз ко-

²¹ Ходасевич В. Ф. «Северянин. Громокипящий кубок. Поэзы» (1914); «Русская поэзия. Обзор» (1914); «Игорь Северянин и футуризм» (1914) (текст реферата, прочитанного на «Вечере Игоря Северянина» в Политехническом университете 30 марта 1914 года) — см. (Ходасевич 2010: 108–109; 143–145; 149–160).

²² На суждения Ходасевича вполне мог повлиять и скандал в Обществе свободной эстетики из-за выступления группы футуристов, о котором он упоминает в письме Б. А. Садовскому 9 февраля 1915 года (Ходасевич 1997: 393, 616).

²³ В позднейших рецензиях имя поэта неизменно связывалось с безнадежно-бездарными стихотворениями. Та же тема «обманутых надежд» на талант Северянина повторится в статье «Первые сборники», напечатанной в парижском *Возрождении* в 1927 году (Ходасевич 2010: 479). Интересно отметить, что Гумилев, снисходительно оценивая первый сборник Северянина (возможно, также вслед за Брюсовым), упоминал о тех же недостатках, что и Ходасевич: «...искренний до вульгарности... Мы присутствуем при новом вторжении варваров, сильных своею талантливостью и ужасных своею небрежливостью» (Гумилев 1990: 172).

того — доклад «Надсон» (1912). Какой была «позитивная программа» Ходасевича, показывает статья «Русская поэзия. Обзор» (1914).

Статья «Русская поэзия. Обзор» показывает, какими были итоги эстетических поисков рубежа десятилетий. Ходасевич «делает смотр» «...наиболее примечательных стихотворных сборников, вышедших за последние два года, т. е. за тот период, когда успел возникнуть и до некоторой степени определиться так называемый “футуризм” — течение, в котором одно время видели возможного преемника ныне господствующей школы» (Ходасевич 2010: 128–129). «Ранжируя» современных авторов, критик указывал, каким критериям должна соответствовать поэзия. Обратим внимание на контекст публикации этого амбициозного обзора: он появляется в первой книге альманаха *Альциона*²⁴ — через несколько месяцев то же издательство выпустило *Счастливым домик*. Поэтому обзор можно рассматривать и как теоретическое высказывание о том, какой должна быть поэзия, а практической реализацией станет *Счастливым домик*²⁵.

Один из главных эстетических критериев Ходасевича — современность поэзии, органичность переживаниям человека XX века. Но при этом поэзия не должна сводиться к описанию «ненужного увлечения прогрессом». Это представление логично вырастает из очерков критика о прогрессе, ассоциирующемся с «мещанством» и с декадентством. Напомним цитату из рецензии на *Juvenilia* Брюсова (Там же: 123):

«...чем решительнее отворачивается он от обычного поэтического багажа: лунного света, весны, соловья и т. д., т. е. от общепризнанно-прекрасного, тем нежнее “мечта” его льнет к повседневности, порой тривиальной и грубой... Может быть, именно здесь, в сочетании повседневности и мечты, таится загадка брюсовской “странности”».

То же будет сказано о поэзии Ахматовой и о творчестве Северянина («Многое в Игоре Северяnine — от дурной современности, той самой, в которой культура олицетворена в биплане, добродетель заменена приличием, а красота — фешенебельностью») (Там же: 143–144). В приведенной цитате Ходасевич приводит все недостатки поэта, увлекшегося прогрессом.

Следующее важное представление Ходасевича — современная поэзия должна сохранять связь с литературной традицией. Напомним, что традиционализм критика постепенно формировался в очерках рубежа десятилетий. Приведем суждение о поэзии Северянина из обзора: «Эти слова [стихотворение «Мисс Лиль» — Д. Л.] — прекраснейшее оправда-

²⁴ Статья была помещена и в двух изданиях первой книги альманаха: первое издание было изъято из продажи из-за не прошедшего цензуры рассказа Брюсова «После детского бала» (Ходасевич 2010: 565).

²⁵ Уточним, что в этой статье Ходасевич аккумулирует свои представления о поэзии, постепенно появившиеся в рецензиях 1912–1914 годов.

ние всей поэзии Игоря Северянина. Ими он связывает себя с величайшими заветами русской литературы, являясь в ней не отщепенцем, а лишь новатором» (Там же: 145). В начале обзора, подводя итоги символизма, Ходасевич проводит параллель между Брюсовым, «поэтом-литератором», и Пушкиным (Там же: 131). Наконец, оба эстетических критерия мы находим в отзыве на последний сборник Б. Садовского: «Не только поэт, но и историк родной словесности, Борис Садовской так же боится нарушить ее традицию, как его прадед побоялся бы нарушить традицию дворянскую... Но многие чувства современного человека требуют и современных способов выражения» (Там же: 138).

Наконец, последняя важная для Ходасевича особенность талантливых стихов, — народность. С одной стороны, она возвращает нас к докладу о Надсоне с его призывами возродить «гражданственную» литературу и критику, с другой — обращает к очеркам Ходасевича 1917 года. В обзоре Ходасевича новым талантом становится Н. А. Клюев, «...из народа...который не любит лишних, кудрявых слов, когда дело идет о важном, о главном» (Там же: 140). Его многообещающие стихи контрастируют с «не народной», стилизованной поэзией Городецкого (Там же: 135).

Среди других критериев, которым должна соответствовать хорошая поэзия, Ходасевич называет самостоятельность автора и «слияние формы с содержанием»²⁶. Так, согласно представлениям Ходасевича, поэзию футуристов нельзя назвать талантливой из-за отказа от литературной традиции, увлечения антуражем современности и формальными новаторствами²⁷.

В очерках Ходасевича 1908 — 1914 годов происходило постепенное формирование эстетических взглядов, поиск языка, образов для критики символизма. В этот период Ходасевич, как и многие авторы-современники, ищет новый язык для описания современных реалий, для «преодоления символизма». В работе для массовых изданий, в написании разнородных очерков происходит постепенный переход от символистской критики через идею «гражданственности» к «поэзии настоящего дня» — к поэтике *Счастливого домика*. В очерках происходит поэтапное зарождение эстетических взглядов Ходасевича, актуальных для его позднейшей поэзии и критики. От констатации кризиса символизма в обзоре 1908 года он переходит к текстам «социальным», где говорит о литературе опосредованно: рассуждения о «мещанстве», о всеобщем увле-

²⁶ Безусловно, это требование к поэзии нельзя назвать специфичным для Ходасевича. На том же органичном развитии этих двух составляющих поэзии настаивал Брюсов (Брюсов 1990: 402). Общеизвестно, что Гумилев уделял значительное внимание формальному совершенству стихов.

²⁷ Одно из характерных суждений Ходасевича: критик исключил Шершеневича из числа талантливых авторов, как только он примкнул к футуризму: «Последний, как известно, хоть и очень непоследовательно, но все же ведет “борьбу с содержанием”, признавая форму единственной целью поэзии» (Там же: 198).

чении авиацией, разочарование в покорении Северного полюса — все эти темы были синонимами критики декадентского эстетизма. Отказ от них означал преодоление символизма, обретение новых эстетических взглядов. Постепенно, в 1910–1912 годах, в очерках появляются аллюзии на классическую литературу, рассуждения о «гражданственности», размышления о том, как увлечение декадентством повлияло на обывателя. К 1914 году в поэзии и критике Ходасевича формируется система эстетических взглядов, важнейшие компоненты которой — традиционализм, умение говорить о переживаниях современного человека без антуража «мещанства», чрезмерного увлечения прогрессом, техническое мастерство. Та же эстетика проявляется в *Счастливом домике* (1914), где Ходасевич соединяет внимание к современности и традиционализм, стилизованное усвоение пушкинской эпохи, отчасти связанное с поэтикой Брюсова того времени. Претерпев неизбежную эволюцию в 1917 году, все эстетические требования Ходасевича перейдут в сборник «Путем зерна» и в критику, поэзию эмигрантского периода.

ЛИТЕРАТУРА

- Блок Александр. *Возмездие*. Блок Александр. *Собрание сочинений*. В 8 т. Т. 3. Москва — Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1960: 295–347.
- Блок Александр. *Собрание сочинений*. В 8 т. Т. 5: Проза. 1903–1917. Москва — Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
- Богомолов Николай. *Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича*. Ходасевич Владислав. *Стихотворения*. Ленинград, 1989: 5–48.
- Богомолов Николай. *Жизнь среди стихов*. Брюсов Валерий. *Среди стихов, 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии*. Москва: Советский писатель, 1990: 3–32.
- Богомолов Николай. *Печать русского символизма: учеб. пособие*. Москва: Факультет журналистики МГУ, 2020.
- Брюсов Валерий. *Среди стихов, 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии*. Москва: Советский писатель, 1990.
- Валентинов Н [Вольский Николай]. «Александр Блок и “Русское слово”». Валентинов Н. *Два года с символистами*. Stanford: Stanford University Press, 1969: 228–235.
- Гумилев Николай. *Письма о русской поэзии*. Москва: Современник, 1990.
- Желтова Елена. «Культурные мифы вокруг авиации в России в первой трети XX века». *Русская антропологическая школа. Труды*. Вып. 4 (часть 2). Москва: РГГУ, 2007: 164–193.
- Клинг Олег. «Брюсов в “Весех”: К вопросу о роли Брюсова в организации и издании журнала». Есин Борис (ред.) *Из истории русской журналистики начала XX века*. Москва: Издательство МГУ, 1984: 160–187.
- Лавров Александр. «Виктор Гофман: между Москвой и Петербургом». Лавров Александр. *Писатели символистского круга. Новые материалы*. Санкт-Петербург: АН Пушкинский дом, 2003: 193–222.
- Лавров Александр. «“Новые стихи Нелли”: литературная мистификация Валерия Брюсова». Лавров Александр. *Русские символисты: этюды и разыскания*. Москва: Прогресс-Плеяда, 2007: 154–198.
- Левинг Юрий. *Вокзал — Гараж — Ангар: Влад. Набоков и поэтика русского урбанизма*. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2004.
- Минц Зара. «Русский символизм и революция 1905–1907 годов». Минц Зара. *Поэтика русского символизма*. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2004: 190–206.

- Рейтблат Абрам. «Символисты, их издатели и читатели». Багно Всеволод, Малмстад Джон, Маликова Мария (сост.). *На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А. В. Лаврова*. Москва: НЛО, 2009: 594–606.
- Успенский Павел. *Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. — 1917 г.)*. Tartu: Tartu University Press, 2014.
- Ходасевич Владислав. *Собрание сочинений*. В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. Москва: Согласие, 1997.
- Ходасевич Владислав. *Собрание сочинений*. В 8 т. Т. 2: Критика и публицистика 1905–1927. Москва: Русский Путь, 2010.
- Шубинский Валерий. *Владислав Ходасевич: Чающий и говорящий*. Москва: Молодая гвардия, 2012.

LITERATURE

- Blok Aleksandr. «Vozmezdje». Blok Aleksandr. *Sobranie sochinenij*. V 8 t. T. 3. Moskva — Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1960: 295–347.
- Blok Aleksandr. *Sobranie sochinenij*. V 8 t. T. 5: Proza. 1903–1917. Moskva — Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1962.
- Bogomolov Nikolaj. «Zpizn' i poeziya Vladislava Hodasevicha». Hodasevich Vladislav. *Stihotvoreniya*. Leningrad, 1989: 5–48.
- Bogomolov Nikolaj. «Zhizn' sredi stihov». Bryusov Valerij. *Sredi stihov, 1894–1924. Manifesty. Stat'i. Recenzii*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1990: 3–32.
- Bogomolov Nikolaj. *Pechat' russkogo simvolizma: ucheb. posobie*. Moskva: Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2020.
- Bryusov Valerij. *Sredi stihov, 1894–1924. Manifesty. Stat'i. Recenzii*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1990.
- Gumilev Nikolaj. *Pis'ma o russkoj poezii*. Moskva: Sovremennik, 1990.
- Hodasevich Vladislav. *Sobranie sochinenij*. V 4 t. T. 4: Nekropol'. Vospominaniya. Pis'ma. Moskva: Soglasie, 1997.
- Hodasevich Vladislav. *Sobranie sochinenij*. V 8 t. T. 2: Kritika i publicistika 1905–1927. Moskva: Russkij Put', 2010.
- Kling Oleg. «Bryusov v “Vesah”»: K voprosu o roli Bryusova v organizacii i izdanii zhurnala». Esin Boris (red.). *Iz istorii russkoj zhurnalistiki nachala XX veka*. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1984: 160–187.
- Lavrov Aleksandr. «Viktor Gofman: mezhdru Moskvoy i Peterburgom». Lavrov Aleksandr. *Pisateli simvolistskogo kruga. Novye materialy*. Sankt-Peterburg: AN Pushkinskij dom, 2003: 193–222.
- Lavrov Aleksandr. «“Novye stihy Nelli”: literaturnaya mistifikaciya Valeriya Bryusova». Lavrov Aleksandr. *Russkie simvolisty: etyudy i razyskaniya*. Moskva: Progress-Pleyada, 2007: 154–198.
- Leving Yurij. *Vokzal — Garazh — Angar: Vlad. Nabokov i poetika russkogo urbanizma*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2004.
- Minc Zara. «Russkij simvolizm i revolyuciya 1905–1907 godov». Minc Zara. *Poetika russkogo simvolizma*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb, 2004: 190–206.
- Rejtblat Abram. «Simvolisty, ih izdateli i chitateli». Bagno Vsevolod, Malmstad Dzhon, Malikova Mariya (sost.). *Na rubezhe dvuh stoletij: Sbornik v chest' 60-letiya A. V. Lavrova*. Moskva: NLO, 2009: 594–606.
- Uspenskij Pavel. *Tvorchestvo V. F. Hodasevicha i russkaya literaturnaya tradiciya (1900-e gg. — 1917 g.)*. Tartu: Tartu University Press, 2014.
- Shubinskij Valerij. *Vladislav Hodasevich: Chayushchij i govoryashchij*. Moskva: Molodaya gvardiya, 2012.
- Valentinov N [Vol'skij Nikolaj]. «Aleksandr Blok i “Russkoe slovo”». Valentinov N. *Dva goda s simvolistami*. Stanford: Stanford University Press, 1969: 228–235.
- Zheltova Elena. «Kul'turnye mify vokrug aviacii v Rossii v pervoj treti XX veka». *Russkaya antropologicheskaya shkola. Trudy*. Vyp. 4 (chast' 2). Moskva: RGGU, 2007: 164–193.

Дарја Луговска

ЧЛАНЦИ В. ХОДАСЕВИЧА ОД 1908. ДО 1914. ГОДИНЕ: КРИТИКА ПРОГРЕСА,
„МАЛОГРАЂАНСТВА“ И ПОТРАГА ЗА НОВОМ ЕСТЕТИКОМ

Резиме

Чланак је посвећен анализи есеја В. Ф. Ходасевича, објављених између 1908. и 1914. године. Након објављивања прве књиге, у периоду кризе симболизма, критичар започиње сарадњу с високотиражном периодиком, стварајући низ чланака о прогресу (о освајању Северног пола и о првим авиолетовима) и о „малограђанству“. У периоду између 1910. и 1912. он пише неколико есеја на „друштвене“ теме. Истраживање контекста појављивања Ходасевичевих чланака те хронологија рада на њима показују да је он у тематски различитим рецензијама тражио пут ка новој књижевној стратегији зарад превазилажења кризе симболизма. У чланцима овог периода формира се низ естетских критеријума, најважнијих за сву будућу публицистику и поезију Ходасевича.

Кључне речи: криза симболизма, критика прогреса, „малограђанство“, демократизација критике.